

Мензис Аллан

История религии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А50

А50 **Аллан М.**
История религии / Мензис Аллан – М.: Книга по Требованию, 2023. – 342 с.

ISBN 978-5-519-96233-9

ISBN 978-5-519-96233-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ I.

РЕЛИГИЯ ПЕРВОБЫТНАГО МИРА.

ГЛАВА I.

Введеніе.

Этотъ небольшой томъ посвященъ наукѣ сравнительно новой. Только въ послѣднее двадцатипятилѣтіе вниманіе западной Европы стало серьезно устремляться на великія религіи Востока, и изученіе этихъ древнихъ религіозныхъ системъ привело къ сознанію, что міръ обладаетъ не одною, а нѣсколькими, даже многими религіями, и что эти религіи представляютъ между собою много отличнаго и много сходнаго. Прежнее мнѣніе, будто другія религіи познаются по сравненію съ христіанствомъ, теперь въ значительной мѣрѣ отвергнуто; съ другой стороны, открыты новыя области знанія для тѣхъ, кто берется изучать религіи человѣчества. Благодаря новымъ методамъ изслѣдованія, религіи Греціи и Рима были изучены такъ, какъ никогда раньше; и всѣ прочія религіи, о которыхъ прежде ничего не знали, теперь, благодаря новому способу изученія ихъ, открыли намъ свою исторію. Новая наука—наука о первобытной человѣческой жизни на землѣ, пролила свѣтъ на многіе первобытные вѣрованія и обряды, на древнія религіозныя идеи; рассказамъ миссіонеровъ и другихъ о дикихъ племенахъ, живущихъ въ настоящее время въ различныхъ частяхъ земнаго шара, теперь придается такое значеніе, о какомъ прежде и не думали. Такимъ образомъ, мы находимся въ положеніи весьма отличномъ отъ положенія нашихъ отцовъ, которые изучали религію всего міра, какъ нѣчто цѣльное. Для нихъ ихъ собственная религія была истин-

ная, а остальные ложными. Кальвинъ говорилъ объ «огромномъ болотѣ заблужденій», въ которое погруженъ весь міръ вѣхъ христіанства; ему не нужно было копаться въ этихъ заблужденіяхъ, онъ могъ только прямо выступить съ проповѣдью истиннаго ученія. До нашихъ дней на дѣлѣ держалось убѣжденіе древнихъ отцовъ церкви, будто всѣ религіи, за исключеніемъ іудейства и христіанства, были поклоненіемъ демонамъ, будто въ нихъ царствуютъ демоны; иначе впрочемъ и не могло быть, такъ какъ, кромѣ іудейства и христіанства, другія религіи не были извѣстны. Подобное невѣжество прекратилось, и мы должны составить сужденіе о предметѣ на основаніи имѣющихся у насъ средствъ для его освѣщенія.

Хотя наука о религіи еще недавно только народилась, но уже пережила свою раннюю фазу, какъ видно изъ ея первоначальныхъ и позднѣйшихъ названій. Сначала совмѣстное изученіе различныхъ религій называлось «сравнительной религіей». Задача состояла въ сравненіи религіозныхъ системъ. Требовалось собрать факты, привести эти системы въ порядокъ, согласно съ наиболѣе полными свѣдѣніями о нихъ, а затѣмъ сравнить ихъ, выдвинувъ ихъ общія и отличныя другъ отъ друга черты. Подобная работа до сихъ поръ еще въ достаточной степени необходима. Собираніе матеріала и указаніе на сходство и различіе разныхъ вѣроученій еще долго будетъ занимать многихъ изслѣдователей. Наука эта, какъ и всякая другая, начинается съ классификаціи.

Единство религіи вообще. Сочиненія послѣдняго времени о религіяхъ всего міра, разсматриваемыхъ, какъ одно цѣлое, назывались «исторіями». Мы имѣемъ «Исторію религіи» Шантепи де-ла Соссе и «Сравнительную исторію религій древности» Тиле. Исторія религіи можетъ быть двойкая. Слово «исторія» можетъ быть употреблено въ томъ смыслѣ, какъ употребляется въ терминѣ, «естественная исторія», т. е. имѣть въ виду связанное изложеніе этой стороны человѣческой жизни, безъ отношенія къ хронологической послѣдовательности; или же слово это употребляется, когда мы говоримъ, напр., объ исторіи римлянъ, и тогда имѣется въ виду изложить исторію религій всего міра въ хронологическомъ порядкѣ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ употребленіе слова «исторія» указываетъ на то, что изслѣдованіе вступило въ новую фазу и теперь имѣетъ цѣлью нѣчто большее, чѣмъ накопленіе матеріала, указаніе сходныхъ чертъ и проведеніе параллелей, а именно такую группировку матеріала, при

которой ясна была бы органическая связь. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, заключается въ настоящее время задача науки о религіи. Всякій сколько нибудь интересующійся этимъ предметомъ, стремится къ изученію религій міра не въ видѣ отдѣльных системъ, которыя, хотя бы и имѣли многія сходныя черты, но могли развиваться независимо другъ отъ друга, — а къ изученію религіозныхъ системъ въ ихъ связи, какъ частей одного цѣлаго. Нашанаука стремится представить религіи всего міра, какъ про-явленія міровой религіи.

Возвышаясь до такого пониманія своей задачи, наука о религіи лишь подчиняется тому направленію, которое въ наше время преобладаетъ во всѣхъ отрасляхъ знанія. Всякая наука стремится установить единство закона среди многообразія явленій, къ которымъ приложимъ законъ, собрать множество воедино, или, вѣрнѣе, показать, какъ изъ единства возникло многообразіе. Въ научное изслѣдованіе религіи должно быть внесено это направленіе, свойственное всякой наукѣ. И здѣсь также мы должны дорожить убѣжденіемъ, что среди видимаго безпорядка царить порядокъ. Мы должны вѣрить, что религіозныя вѣрованія и обряды человѣчества не представляютъ собою хаоса или только постоянного проявленія людскаго неразумія, сущность котораго заключается только въ томъ, что оно существовало во всѣ времена и во всѣхъ странахъ міра, — но что эти вѣрованія и обряды составляютъ космосъ и могутъ разсматриваться, если только мы подойдемъ къ нимъ надлежащимъ образомъ, какъ такая сторона человѣческой жизни, въ которой разумъ никогда не отсутствовалъ и которая развивалась и развивается до сихъ поръ. Самые выдающіеся писатели по наукѣ о религіи глубоко убѣждены въ этомъ; они называютъ свои сочиненія «исторіями» и стараются показать, что религіи всего міра органически связаны другъ съ другомъ и служатъ различными проявленіями одного и того же духа. Это небольшое сочиненіе имѣетъ въ виду не только описать въ главныхъ чертахъ великія религіи, но показать и нѣкоторые результаты, достигнутые повидимому для уясненія отношеній этихъ религіозныхъ системъ другъ къ другу.

Развитіе религіи не останавливается. Мы не станемъ утверждать этого, не сдѣлавъ извѣстныхъ предположеній. Первое и главное наше предположеніе состоитъ въ томъ, что религія, какъ и другія стороны человѣческой жизни, развивалась съ самаго начала и развивается до сихъ поръ, и что развитіе религіи совершалось по обычнымъ законамъ человѣческаго

прогресса. Всякій изучающій этотъ предметъ, съ какой бы стороны онъ ни подходилъ къ нему, долженъ принять это положеніе или отказаться отъ мысли понять предметъ, какъ нѣчто цѣльное. Понять что-нибудь значитъ знать, какъ оно сдѣлалось тѣмъ, что оно есть; по крайней мѣрѣ историческое явленіе можетъ быть понято лишь въ томъ случаѣ, если исторія его изслѣдована до самаго корня. Это несомнѣнно и относительно религіи человѣчества. Всякое разсмотрѣніе предмета, не начинающееся съ начала, неизбежно будетъ сбивчивымъ и неудовлетворительнымъ. Поэтому мы принимаемъ, какъ нѣчто достовѣрное, пока не будетъ доказано обратное, что съ самаго начала въ этой области, какъ и въ другихъ областяхъ человеческой жизни, развитіе шло непрерывно. Во всѣхъ другихъ отрасляхъ исторической науки дѣлается то же предположеніе. Исторія всякихъ учреждений ведется непрерывною нитью отъ тѣхъ временъ, когда не существовало даже семьи и собственности. Способы, какими люди добывали себѣ средства существованія, также извѣстны съ давнихъ поръ; и нѣтъ перерыва въ развитіи, начиная съ крючковой палки до пароваго плуга. Не то же ли самое можно сказать относительно религіи? Развѣ мы не можемъ утверждать, пока не будетъ доказано противное, что въ развитіи религіозныхъ идей и обрядовъ съ самыхъ раннихъ временъ до нашихъ дней не было перерыва, и что высшая религія настоящаго времени составляетъ часть первобытной религіи людей? Эта часть, правда, во многихъ отношеніяхъ ушла далеко отъ древнѣйшей религіи, но въ ней продолжаетъ жить то, что было наиболѣе существеннаго въ первобытныхъ вѣрованіяхъ, и то, что было наиболѣе жизненнаго въ древнѣйшихъ религіозныхъ основахъ, до сихъ поръ возбуждаетъ поклоненіе. Если мы примемъ этотъ взглядъ, то для насъ исчезнутъ многія трудности, прежде мѣшавшія изученію этого предмета. Если, согласно съ новымъ направленіемъ, повидимому господствующимъ въ современной мысли, на учрежденія и вѣрованія не смотрѣть, какъ на нѣчто незбылемое, а какъ на нѣчто развившееся изъ того, что было раньше, и развивающееся въ то, что будетъ впослѣдствіи, то учрежденія и вѣрованія эти перестанутъ вызывать презрѣніе, зависть или ненависть. Глядя на всѣ религіи, какъ на стадіи развитія религіи вообще, мы не будемъ имѣть причины унижать или незаслуженно превозносить ни одну изъ нихъ. Болѣе древнія стадіи развитія религіи будутъ имѣть для насъ особый интересъ, какой вызываютъ въ насъ жилища нашихъ предковъ, хотя бы мы сами не желали жить въ нихъ. Мы не

станемъ дѣлать религіи на одну истинную, христіанство, и на ложныя, подъ которыми будемъ разумѣть всѣ прочія; ни одну религію не будемъ мы считать однимъ только суевѣріемъ, не будемъ говорить, что хоть одна изъ нихъ негодна Богу. Но чувствуя, что мы не въ силахъ правильно понять нашу собственную религію, не сравнивая ее съ другими, мы будемъ оцѣнивать эти послѣднія религіи по той роли, какую онѣ играли въ великомъ движеніи, и съ этой уже точки зрѣнія будемъ смотрѣть прежде всего и на нашу собственную религію, ибо, не имѣя исторіи, религіи не могли бы совершенствоваться. Имѣя въ виду этотъ принципъ развитія, мы найдемъ хорошее въ самомъ грубомъ и увидимъ, что скорѣе доброе и истинное, чѣмъ злое и ложное, составляютъ конечный смыслъ даже самыхъ примитивныхъ религіозныхъ системъ.

Итакъ, мы приступаемъ къ дѣлу, допустивъ, что религія есть нѣчто, съ самаго начала подверженное развитію, какъ право, какъ искусство; и лучшимъ методомъ, если онъ только окажется возможнымъ, будетъ прослѣдить ея движеніе съ самаго начала. Не претендуя на то, что намъ удастся все объяснить, и не утверждая, что мы не встрѣтимся съ такими религіозными явленіями, которымъ трудно опредѣлить мѣсто въ исторіи, не будучи даже увѣрены, что найдемъ тропинку, ведущую черезъ неизмѣримые лѣса религіозныхъ чувствъ и образовъ, мы по крайней мѣрѣ можемъ надѣяться, что для насъ станетъ очевидно направленіе, по какому въ общемъ шло развитіе религіи.

Предварительное опредѣленіе религіи. Но прежде чѣмъ начать это изслѣдованіе, мы встрѣчаемся съ вопросомъ: что это такое, что по нашему предположенію развивалось такимъ образомъ? Чтобы начертать процессъ эволюціи чего-нибудь, необходимо дать опредѣленіе тому, что развивалось; ибо къ самой идеѣ эволюціи относится то, что сущность предмета не мѣняется по мѣрѣ развитія, но что зерно и окончательный продуктъ развитія представляютъ собою одну и ту же сущность, и отличаются другъ отъ друга только тѣмъ, что одно еще находится въ состояніи роста, между тѣмъ какъ ростъ другого завершился. Составитель исторіи религіи отнесся бы несерьезно къ своей задачѣ, помѣстивъ на одномъ концѣ ея дикаря, а на другомъ христіанскаго мыслителя, если бы можно было утверждать, что нѣтъ ничего общаго между религіей дикаря и христіанина, и что конечный продуктъ представлялъ собою съ самаго начала нѣчто существенно отличное отъ зерна. Поэтому необходимо

прежде всего опредѣлить—исторію чего мы собираемся изображать; или же, иными словами, сказать, что мы разумѣемъ подъ религіей. Не слѣдуетъ забывать, что полное опредѣленіе развивающагося предмета можетъ быть дано только по достиженіи полного развитія. Во время своего роста предметъ обнаруживаетъ, что онъ есть, а также и то, что какъ его высшія, такъ и его низшія проявленія присущи его природѣ. Міръ еще не уяснилъ себѣ во всей полнотѣ, но все еще выясняетъ, что такое религія. Поэтому всякое опредѣленіе, предложенное на этой стадіи должно имѣть элементарный и временный характеръ. Я предлагаю принять пока опредѣленіе религіи, какъ *поклоненія высшимъ силамъ*. Съ перваго взгляда это можетъ показаться весьма неполнымъ опредѣленіемъ предмета; но если мы разберемъ, что заключаетъ въ себѣ это опредѣленіе, то оно не покажется намъ столь скуднымъ. Прежде всего въ немъ содержится элементъ вѣры. Никто не станетъ поклоняться высшимъ силамъ, не вѣруя въ существованіе подобныхъ силъ. Это факторъ интеллектуальный. Это не значитъ, что на первыхъ ступеняхъ развитія религіи интеллектуальный факторъ отличается отъ другихъ факторовъ, какъ грамматика въ глазахъ дикаго человѣка не является элементомъ языка. Но ничто интеллектуальное, извѣстное убѣжденіе обязательно присутствуетъ даже въ первобытныхъ религіяхъ. Если бы не было вѣры въ высшія силы, то настоящая религія не могла бы держаться. Если бы и продолжались лишь внѣшнія выраженія религіи, то для исповѣдующаго такую религію утратилась бы ея несомнѣнность, и результатомъ была бы лишь кажущаяся или притворная религія, т. е. религія, лишенная одного изъ основныхъ признаковъ всякой религіи. Это вѣрно для всякой стадіи. Затѣмъ, поклоненіе оказывается силамъ именно «высшимъ». Религія относится съ почтеніемъ не къ существамъ, которыхъ люди считаютъ стоящими на одномъ уровнѣ съ собою или ниже себя, а къ существамъ, которые въ какомъ-нибудь отношеніи выше людей и къ которымъ люди склонны приближаться съ уваженіемъ. Если поклоненіе повидимому направлено на то, къ чему поклоняющійся чувствуетъ презрѣніе и что онъ въ слѣдующій моментъ отброситъ съ пренебреженіемъ, то также отсутствуетъ одно изъ основныхъ условій, и подобное поклоненіе не соотвѣтствуетъ понятію религіи. Безъ сомнѣнія, и въ такомъ поклоненіи можетъ скрываться религіозный элементъ; дикарь, мышленіе котораго не отличается связностью, поклоняясь предмету, можетъ въ одинъ моментъ считать его выше себя, а въ

другой ниже; но результатомъ такого поклоненія будетъ нѣчто меньшее, чѣмъ религія. Въ третьихъ, этимъ высшимъ силамъ оказывается поклоненіе. То-есть, религія представляетъ собою не только вѣру въ существованіе высшихъ силъ, но есть вмѣстѣ съ тѣмъ и установленіе отношеній къ нимъ, есть практическая дѣятельность, непрерывно направленная къ этимъ силамъ. Это не только мышленіе, но и дѣятельность, и это также существенный признакъ. Если прекращается поклоненіе, прекращается и религія; однако, нельзя понимать этого положенія въ слишкомъ узкомъ смыслѣ, ибо видимое прекращеніе поклоненія можетъ быть переходомъ къ другой, быть можетъ высшей формѣ поклоненія; но тамъ нѣтъ религіи, гдѣ кромѣ вѣры въ высшія силы нѣтъ стремленія такъ или иначе сохранить съ ними добрыя отношенія.

Разборъ другихъ опредѣленій. Высказанное дастъ намъ возможность судить о нѣсколькихъ опредѣленіяхъ религіи, предложенныхъ міру за послѣдніе годы. Не возвращаясь къ опредѣленіямъ, даннымъ философами до начала научнаго изслѣдованія нашего предмета, и ограничиваясь опредѣленіями, предложенными въ интересахъ нашей науки, мы увидимъ, что многіе считаютъ религію интеллектуальною дѣятельностью *). Такъ, Максъ Мюллеръ говоритъ, что «религія есть способность или расположеніе ума, которая, независимо отъ разума и разсудка, даже наперекоръ имъ, даетъ человѣку возможность познавать безконечное подъ различными названіями, въ различныхъ формахъ. Безъ этой способности никакая религія не была бы возможна». Противъ этого опредѣленія можно сдѣлать нѣсколько вѣскихъ возраженій. Опредѣленіе это предполагаетъ, что есть только одинъ путь, по которому люди могутъ дойти до вѣры въ высшія существа; они приходятъ къ такой вѣрѣ, найдя что-нибудь выше самихъ себя и для нихъ непонятное, т. е. приходятъ помощью интеллектуальнаго процесса. Можно сомнѣваться въ томъ, что разочарованіе во всемъ конечномъ есть единственный или общій всѣмъ людямъ путь, по которому они доходятъ до вѣры въ боговъ. Кромѣ того, упуская въ своемъ опредѣленіи изъ виду практическую

*) Хотя Тайлоръ и опредѣляетъ религію, какъ «вѣру въ духовныя существа», но его нельзя обвинять въ томъ, что онъ придаетъ религіи слишкомъ интеллектуальное значеніе. Онъ употребляетъ слово «вѣра» въ широкомъ смыслѣ, включая въ это понятіе и предписываемые ею обряды. Въ понятіе «духовный» Тайлоръ включаетъ свою теорію анимизма, и такимъ образомъ дѣлаетъ выраженіе этого понятія негоднымъ для употребленія тѣхъ, кто не признаетъ этой теоріи.

сторону религіи, элементъ поклоненія, Мюллеръ тѣмъ самымъ вызываетъ неизбежное возраженіе себѣ. Вѣра и поклоненіе—неразрывно связанныя стороны религіи, которая не можетъ быть исполнѣ дѣйствительной безъ присутствія обѣихъ этихъ сторонъ. То же самое возраженіе приложимо и къ опредѣленію религіи, предлагаемому Гербертомъ Спенсеромъ. Спенсеръ видитъ основаніе религіи въ непостижимости силы, которая проявляется для насъ въ мірѣ. По его мнѣнію, всѣмъ религіямъ присуща общая вѣра въ то, что существуетъ нѣчто выше нашего пониманія. Онъ утверждаетъ, что всякое наше сознаніе предметовъ условныхъ и ограниченныхъ сопровождается идеей абсолютнаго и безусловнаго, и представляетъ собою не отрицательное понятіе, не одно только отрицаніе границъ, а понятіе положительное. Безусловное есть то, проявленіями чего служатъ всѣ наши мысли и идеи, но чего мы никогда не въ состояніи будемъ познать и относительно чего мы можемъ утверждать только то, что оно существуетъ. Это опредѣленіе, подобно предыдущему, выводитъ религію изъ несовершенства человѣческаго знанія и выставляетъ ее скорѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ явленіемъ. И тутъ также можно возразить, что это опредѣленіе ставитъ религію скорѣе на интеллектуальную, чѣмъ на практическую почву, и не принимаетъ въ соображеніе элемента поклоненія.

Другіе ученые объясняли религію, какъ результатъ пытливости человѣческаго ума, какъ слѣдствіе того побужденія, которое заставляетъ людей изслѣдовать причины явленій и особенно стремиться найти первую причину всѣхъ явленій. Здѣсь мы приближаемся къ тому, что несомнѣнно должно считаться неизмѣннымъ признакомъ религіи; религія всегда берется объяснить міръ и внести единство въ разумъ человѣка, разрѣшая смущающіе его вопросы и предписывая ему извѣстную точку зрѣнія, съ которой онъ можетъ отвести опредѣленное мѣсто всѣмъ сторонамъ міра и жизни. Но это, тѣмъ не менѣе, не уясняетъ намъ, что такое сама религія. Эта пытливость, эта любознательность не имѣютъ исключительно религіознаго характера; скорѣе, онѣ относятся къ философіи. Человѣкъ съ самаго начала поклонялся тому, что не связано было съ познаніемъ. Пытливость принудила его искать первой причины вещей; въ религіи онъ видѣлъ нѣчто, общающееся ему объяснить міръ, объяснить его самого. Но нѣчто большее, чѣмъ любознательность, заставило его, когда онъ нашелъ эту первую причину, смотрѣть на нее, какъ на божество, поклоняться ей и приносить ей жертвы. Какія же основанія покло-

ненія? Безъ сомнѣнія, всегда однимъ изъ основанийъ его является чудо; но нѣтъ ли чего нибудь и кромѣ чуда? Никакое опредѣленіе религіи не можетъ считаться полнымъ, если въ это опредѣленіе не включено понятія поклоненія; ибо поклоненіе составляетъ существенную сторону религіи. Не только интеллектуальное, но и моральное свойство должно характеризовать религію. Что представляетъ собою религія въ моральномъ смыслѣ? Мы можемъ указать такія проявленія поклоненія, въ которыхъ стремятся выразиться всевозможныя нравственныя свойства. Въ нихъ входятъ самыя противоположныя побужденія, гордость, гнѣвъ и месть такъ же, какъ страхъ, голодъ, раскаяніе. Но если религія есть дѣло чувства такъ же, какъ и внѣшняго выраженія, то не всякія проявленія поклоненія могутъ быть отнесены къ религіи, и необходимо еще кое-что для дополненія нашего опредѣленія.

Болѣе полное опредѣленіе. Прибавимъ же то, чего не достаетъ, и скажемъ, что религія есть *поклоненіе невидимымъ силамъ, истекающее изъ чувства неудовлетворенности*. Это напомнимъ читателю опредѣленіе Шлейермахера—«религія есть чувство безконечной зависимости». Противъ этого опредѣленія всегда возражали, что оно дѣлаетъ религію не болѣе какъ чувствомъ, настроеніемъ, но что помимо этого она есть вѣра и дѣйствіе. Но истина высказанная Шлейермахеромъ имѣла существенное значеніе для дѣла. Вѣра въ боговъ и культъ ихъ не составляютъ религіи безъ чувства неудовлетворенности. Эти три элемента, взятые вмѣстѣ, составляютъ религію, какъ на низшихъ, такъ и на высшихъ ступеняхъ цивилизаціи.

Должна существовать вѣра, что существо, къ которому обращено поклоненіе, способно удовлетворять нужды поклоняющагося. Люди не станутъ ни молиться, ни приносить жертвъ существамъ, которыхъ считаютъ неспособными помочь имъ или безсильными причинить имъ добро или зло. Всякій культъ предполагаетъ, что существо, къ которому онъ направленъ, представляетъ собою силу, которая можетъ сдѣлать для поклоняющагося то, чего онъ не можетъ сдѣлать для себя самъ. Неумѣніе помочь самому себѣ или удовлетворить своимъ собственнымъ нуждамъ и отсылаетъ человѣка къ божеству, имѣющему ту силу, какой нѣтъ у поклоняющагося. Если бы онъ могъ самъ помочь себѣ, ему не нужна бы была религія; если бы жизнь его была вполне счастливою или не оставляла бы ничего желать, или же была бы совершенно несчастною и неудачною, такъ что невозможно было бы ни на что надѣяться,

то человѣкъ не прибѣгалъ бы къ высшимъ силамъ; но такъ какъ жизнь человѣческая представляетъ собою смѣшеніе добра и зла и заключаетъ въ себѣ радости, которыхъ человѣкъ не можетъ за собой обезпечить, и опасности, отъ которыхъ не можетъ уберечься собственными силами, и такъ какъ въ немъ—какимъ образомъ, мы теперь не будемъ разрѣшать—возникла вѣра въ существованіе высшихъ силъ, которыя, если хотятъ, могутъ зацѣпить и осчастливить его, то у него является религія и онъ поддерживаетъ отношенія съ высшими силами. Такимъ образомъ религія, даже въ самой первобытной своей формѣ, не есть непременно проявленіе одного эгоизма. Хотя высшимъ существамъ преподносятся дары въ надеждѣ, что эти дары будутъ имъ пріятны, и хотя испрашиваются благодѣянія, весьма нужныя для поклоняющагося, но эти дѣйствія не представляютъ собою непременно чего-нибудь низкаго, какъ и подобныя же проявленія между людьми, между двумя друзьями, или между родителями и дѣтьми. Даже дикарь, живущій въ полномъ отчужденіи, ведущій со всѣми борьбу и чувствующій потребность только въ кровѣ и пищѣ, не будетъ обращаться съ просьбами къ божеству, если не чувствуетъ къ нему никакой привязанности или если его дружелюбное чувство къ божеству не усилится въ случаѣ оказанія испрашиваемой милости. Разъ возникло это чувство привязанности, то религія уже существуетъ, человѣкъ вступилъ въ живыя сношенія съ высшей силой, которую, безъ сомнѣнія, представляетъ подобной самому себѣ, но тѣмъ не менѣе считаетъ выше себя.

Итакъ, вотъ что мы считаемъ сущностью религіи—поклоненіе высшимъ силамъ проистекающее изъ чувства собственной безпомощности; и вотъ чего мы собираемся начертать исторію, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ. По самому опредѣленію можно судить, какимъ путемъ должно идти развитіе. По мѣрѣ того, какъ будетъ мѣняться характеръ человѣческихъ потребностей, будетъ мѣняться и религія. Постепенное возвышеніе и усложненіе человѣческихъ потребностей по мѣрѣ движенія цивилизаціи является движущею силою и для развитія религіи. Самыя божества, ихъ прошлая исторія и настоящій характеръ, приносимыя имъ жертвы и испрашиваемыя у нихъ благодѣянія, все это растетъ по мѣрѣ того, какъ растетъ самъ человѣкъ и отъ грубаго переходитъ къ тонкому, отъ произвола къ порядку. На низшей ступени своего развитія религія есть, быть можетъ, личное дѣло между дикаремъ и его божествомъ и касается лишь индивидуальныхъ матеріальныхъ